

1968–1989: падение советского коммунизма

Дж. Катсиафикас

После 1968 года массовые движения продолжают структурироваться в соответствии с логикой углубления демократии, автономии и солидарности. Теперь эти, казалось бы, всеобщие устремления вступают в резкую оппозицию укоренившейся системе капиталистического патриархата. Именно это объединяющее начало связывает общественные движения на глобальном уровне, и международные синхронизированные акции становятся все более распространенным (феномен, который я называю «эрос эффектом»). С этой точки зрения движения, движения конца XX века за демократизацию являлись отложенными результатами 1968 год. Они были подарком «шестидесятых» будущему. Азиатские восстания, получившие начало в 1980 г., преобразован полдюжины диктатур. В Восточной Европе коммунистические режимы в Венгрии, Польше, Восточной Германии, Чехословакии, Болгарии, Югославии и Румынии они были преобразованы в 1989 году, хотя никто не предсказывал их падения. Советский Союз не мог оставаться в стороне, и вскоре он был демонтирован.

Восстания «новых левых», которые в 1989 г. выступили против коммунистической «старых левых» правительств в Чехословакии, Польше и Югославии, имели прямые ссылки на 1968 год. В Чехословакии, когда новое правительство впервые собралось 28 декабря 1989 г., делегаты избрали первым спикером парламента Александра Дубчека, лидера Пражской весны 1968 года. В Советском Союзе чешское движение оказало сильное влияние на многих видных интеллектуалов в КПСС, особенно на тех, кто группировался вокруг журнала «Проблемы мира и социализма». Сам Михаил Горбачев признал свой долг перед «Пражской весной»: «Чехословакия 1968 года стала для меня основным импульсом к критическому мышлению. Я понял, что что-то не так в нашей стране. Но этот импульс пришел из внешнего мира» [1]. Другом Горбачева по Московском государственном университете был будущий чешский диссидент и один из архитекторов программы реформ 1968 года Зденек Млинар. После подавления «Пражской весны» Горбачев являлся членом советской делегации, направленной для восстановления отношений двух стран. Он отметил, что рабочие отказались от встречи с советскими представителями, – это стало для него «поучительным» опытом. Десять лет спустя, когда его спросили, каковы различия между 1968 г. в Чехословакии и его собственной программой, он пошутил: «Десять лет» [2].

Дополнительный аспект влияния 1968 года заключается в западноевропейских движениях за мир, которые выросли из движения новых левых и помогли преобразовать зафиксированное «холодной войной» соотношение сил, то есть вывели общество из тупика, в который которой политические элиты его завели. Без европейского движения за мир, протестующего на улицах против американских ракет «Першинг» (и советских ракет СС–20), Горбачев и другие деятели советского истеблишмента не были бы готовы к ослаблению своего контроля над восточноевропейскими буферными государствами, игравшими роль советской страховки от нового германского вторжения. После массовых протестов против угрозы ядерной войны, вспыхнувших с обеих сторон «железного занавеса», ни

буферные государства, ни ракеты малой дальности не требовались для того, чтобы предоставить советским лидерам необходимые гарантии. Миллионы людей, которые протестовали против политики США на улицах Европы осенью 1981 г., помогли убедить Горбачева, что о военной интервенции Запада против России не может быть и речи. Эти мобилизации сыграли историческую роль в преодолении тупикового военного противостояния, сотворенного международными политическими элитами.

Массовые движения против российского господства имеют давнюю историю. К 1980-м годам они выросли в силы, раздражающие Горбачева и советских лидеров, но после того как азиатские восстания вывели народные силы на историческую сцену, движения в Восточной Европе получили поддержку и вдохновение. 23 августа 1987 г., менее чем через два месяца после того, как корейский диктатор Чон Ду Хван был вынужден пойти на президентские выборы, литовская Лига свободы вывела на улицы несколько сот протестантов. Эта акция в годовщину соглашения Молотова-Риббентропа, в 1939 г. определившего судьбу Балтийских республик как сателлитов Москвы, стала первым примером общественной оппозиции подобного рода. 10 июня 1988 г. тысячи литовцев публично пели запрещенные националистические песни, начав движение, которое впоследствии назвали «поющей революцией». Через две недели, 24 июня, 1988 г., интеллектуалы организовали движение «Саюдис» («совместное движение» по-литовски), чтобы публично вести борьбу за независимость против советского господства. «Саюдис» состоял из художников, ученых, журналистов, музыкантов, философов и писателей, и эти интеллектуалы весьма удивлены, как и все, когда в течение нескольких месяцев, они приобрели десятки тысяч сторонников [3]. 23 августа 1988 г., более 200 тысяч человек приняли участие в демонстрации за национальную независимость. Объединившись с «зелеными», это движение побудило десятки тысяч граждан взяться за руки и образовать людские цепочки вдоль Балтийского побережья в знак протеста против Игналинской АЭС и опасности катастрофического загрязнения окружающей среды. Активисты возродили народные песни и фестивали, и, используя свою традиционную культуру, активированы массовое сопротивление. 11 сентября 1988 г. соседней эстонцы использовали песенную тактику, опробованную в Литве, и «Песня Эстонии» привлекла около 300 тысяч человек, более четверти населения республики.

7 декабря 1988 г. Михаил Горбачев сообщил Генеральной Ассамблее ООН, что «силы и угрозы силой больше не могут быть, и не должны быть инструментами внешней политики». Вскоре после этого начался вывод советских войск из Восточной Европы. Как только Горбачев отказался от применения силы с советской стороны, Восточную Европу охватила волна перемен. Одной из самых заметных акций был протест в Лейпциге, где, начиная с весны 1989 года, люди скандировали: «*Wir wollen raus!*» (Мы хотим уйти!). Мало кто ожидал, что еще до конца года Берлинская стена будет разрушена.

23 августа 1989 г., в 50-ю годовщину пакта Молотова-Риббентропа, около двух миллионов человек из Эстонии, Латвии и Литвы взяли за руки и образовали 600-километровую цепь от Таллина до Вильнюса, призвав к свободе от русского господства. Когда 11 сентября 1989 г. Венгрия открыла свои границы на запад, туда потоком хлынули восточные немцы, лидеры ГДР не приняли никаких мер для подавления массовых маршей в Лейпциге. 16 октября прошли маршем 100 тысяч человек, на следующей неделе 300 тысяч, пока, и, в понедельник, 4 ноября,

полмиллиона человек собралось в Берлине перед телевизионными камерами. 9 ноября стена была разрушена.

Исторические изменения в этот момент происходили с головокружительной скоростью. Через день после падения Берлинской стены болгарский диктатор Тодор Живков был вынужден отказаться от власти. Через один месяц и один день «бархатная революция» победила в Чехословакии. Этому способствовала ликвидация Восточной Германии, поскольку восточногерманская тайная полиция являлась одной из самых мощных сил, подпиравших чешский режим. «Бархатная революция» потребовала шести недель спонтанных акций протеста. 17 ноября, после того, как, по слухам, пражская полиция убила студента, около 15 тысяч человек собрались возле университета в Страхове [4]. Как только протестанты спустились с холма в центральную часть города, солдаты в красных беретах разбили их мирное шествие с горящими свечами. В знак поддержки последовавшей затем студенческой забастовки актеры предоставили свой театр для проведения общественных собраний. Гражданский форум, возглавляемый Гавелом, призвал к либеральной демократии и рыночной экономики. Три дня спустя сотысячная заполнила Вацлавскую площадь. Звеня ключами и призывая к возвращению во власть Дубчека, героя Пражской весны 1968 года, они настаивали на том, что пришло время для коммунистов покинуть дом правительства. На следующий день собралось еще больше людей. 27 ноября студенческая забастовка превратилась в двухчасовую всеобщую забастовку, и это убедило коммунистического президента Густава Гусака уйти в отставку. А в следующем месяце Федеральное Собрание единогласно провозгласило Гавела новым президентом.

10 декабря (в день отставки президента Чехии Гусака) в Улан-Баторе после вспыхнувших протестов образовался Монгольский Демократический Союз, основу которого составили студенты [5]. На огромной городской площади играла рок-группа Khonkh (Колокол), в то время как люди маршировали с транспарантами, протестуя против «чиновничьего гнета». Неделю спустя второй митинг привлек 2000 человек: студенты ратовали за свободу печати, многопартийную систему и права человека. 21 января, при -30° С, они пели традиционные народные песни, восхваляющие запрещенного национального героя Чингис-хана и приняли решение проводить демонстрации еженедельно. 7 марта одетые в традиционную одежду активисты в Улан-Баторе (вдохновленные примером китайских студентов на площади Тяньаньмэнь) начали голодовку и привлекли десятки тысяч сторонников, начавших забастовки в столице. Поскольку протесты разрастались, правительство быстро ввело многопартийную систему. В середине апреля, шахтеры и водители грузовиков потребовали больших экономических прав.

Несмотря на тектонические сдвиги восточноевропейских элит, безжалостный диктатор Николае Чаушеску не собирался сдаваться. Через неделю после отставки президента Чехии Гусака в румынском городе Тимишоара солдаты открыли огонь и убили около ста человек. В ответ на насилие вспыхнула всеобщая забастовка в Тимишоаре, в ходе которой солдаты начали диалог с гражданами. В течение недели армия ушла, и революционный комитет стал де-факто городским правительством [6]. 22 декабря, после внезапного перехода армии на другую сторону, танки привел в Бухарест толпу, которая захватила штаб-квартиру Чаушеску и пленила его самого. На

Рождество он и его жена были казнены, а новое коммунистическое правительство быстро заменило их.

Процесс изменений продолжался: 11 марта 1990 г. Литва провозгласила независимость. В тот же день в столице Эстонии собрался избранный демократическим путем альтернативный парламент, который также имел целью декларацию о независимости. Несмотря на решение Литвы выйти из Советского Союза, российские войска сохранили контроль над большей частью инфраструктуры страны. 13 января 1991 г. запечатлелся в умах людей как «Кровавое воскресенье». По меньшей мере, 14 человек погибли (в том числе офицер КГБ) и 702 были ранены после того, как танки и бронебойные пули были использованы для обеспечения советского контроля над телебашней в Вильнюсе [7]. Массы восстали, сбивая дорожные знаки, чтобы запутать российские войска (как это было сделано в Праге в 1968 г.), и приняли участие в активной защите здания парламента и телевизионной башни. Менее чем через неделю в соседней Латвии шестеро протестующих были убиты, и полмиллиона людей сошлись в центре Риги. Они строили баррикады, чтобы защитить свой парламент и трансляционные центры, усилили их тяжелыми грузовиками и тракторами, натянули колючую проволоку, организовали круглосуточное патрулирование. Граждане заготавливали питание, дрова, лекарства и готовились к осаде [8]. Когда осела пыль после этих дел, вторжение России не состоялось.

В течение нескольких месяцев просоветские режимы в Восточной Европе были свергнуты. В Венгрии и Польше правительства приняли меры, ориентированные на реформы, и включили оппозиционные силы в механизм власти через процесс институционального компромисса. В Чехословакии и Восточной Германии режимы, отказывавшиеся «гнутья на ветру», были сметены народными восстаниями. В Албании, Болгарии и Румынии после свержения высшего слоя лидеров, укоренившиеся коммунистические кадры сохранили контроль над капиталом и политической властью.

На фоне крушения империи жесткие советские лидеры попытались вернуть свою власть. Амбициозная программа реформ Горбачева так разозлила «партию консерваторов», что они 19 августа 1991 г. инициировали против него переворот. Силы Коммунистической партии, КГБ и армии были мобилизованы для совместных действий. Горбачев и его семья были помещены под домашний арест, но замысел консерваторов натолкнулся на широкое народное сопротивление. В Москве люди высыпали на улицы, чтобы защитить российский парламент. Женщины и студенты призвали солдат присоединиться к ним. Религиозные люди на коленях молились на улицах, пацифисты раздавали печатные материалы о методах ненасильственной борьбы, а закрытые ГКЧП газеты и радиостанции возобновили свою работу. На Дворцовой площади в Ленинграде, собрались более 100 тысяч человек. Мэр призвал военных не поддерживать переворот, а глава Русской православной церкви пригрозил отлучить от церкви всякого, кто последует директивам путчистов. Президент России Борис Ельцин решительно призвал к сопротивлению, стоя на танке, и даже некоторые сотрудники КГБ, рискуя жизнью, отказались выполнять приказы. В конце концов, план переворота провалился, открыв путь распаду Советского Союза. Одна за другой, советские республики провозгласили независимость. В начале декабря президент России Борис Ельцин, а также лидеры

Украины и Беларуси распустили СССР. Этот шаг Горбачев позднее описал как «антиконституционный переворот». Ослабленный августовским путчем, Горбачев оказался не в силах остановить распад СССР после семи десятилетий правления КПСС.

В этот период ускоренных изменений бывший посол США в НАТО Харлан Кливленд отметил, что «во всем мире широкая общественность (the general public) в настоящее время является движущей силой политических и социальных изменений, а “лидеры” пытаются идти в ногу с массами. Трудно припомнить другое время в мировой истории, когда политические лидеры сильных наций имели бы столь малое отношение к важным результатам. Известные персоны – президенты и премьер-министры мировых военных держав и экономических тяжеловесов – взирали на вечерние новости с плохо скрываемым удивлением» [9]. Признавая власть низовых движений, верховные правители в Восточной Европе также сыграл значительную роль. Во многих городах Восточной Европы, в том числе в Лейпциге, Берлине, Будапеште и Праге, толпа скандировала «Горби! Горби!» Они хотели, чтобы лидер освободил их, этот новый Петр Великий, который начнет преобразования на самом высоком правительственном уровне. Несмотря на попытки элит управлять процессом реформ, когда произошел прорыв, его результаты были неожиданными. Распад СССР был за пределами ожиданий и желаний советских реформаторов. Никто не смог препятствовать процессу стремительного проникновения корпоративного капитализма в бывший Советский Союз, и Россия была разорена неолиберальным наступлением во главе с экономистами Гарвардского университета. Долгосрочные движения, интенсивные восстания, массовые протестные акции и активистские группы играют ключевую роль в осуществлении надежных, прочных демократических перемен. Однако, поскольку ключевые импульсы за изменения в коммунистическом мире исходили сверху, демократизация оказалась ни прочной, ни глубокой, и новая элита, захватив контроль над обществом, присоединилась к мировому капиталу.

С распадом Советского Союза американские триумфаторы провозгласили победу в «холодной войне» и приготовились к новому веку мировой гегемонии США. В соответствии с ошибочным взглядом Фрэнсиса Фукуямы, мы подошли к «концу истории». Хотя впоследствии он отказался от этого тезиса, многие поверили, что весь мир будет приветствовать представительную демократию в американском стиле как наилучшую форму правления. Пол Вулфовиц и Дик Чейни направили американские войска в Ирак, искренне ожидая, что их встретят на улицах Багдада с цветами. Постоянный рост потерь в американских войсках, экономический кризис, начавшийся в 2008 г., и усиление Китая заставили иллюзии американской глобальной гегемонии исчезнуть так же быстро, как мираж в пустыне. В 2009 г. поклон президента Обамы императору Японии и его неподвижность в Пекине стали лишь поверхностными признаками заката, который еще предстоит пережить Соединенным Штатам. Тем не менее идеологическая интерпретация конца XX века, которая ставит США в центр мира, остается действующей в концепции «третьей волны» С. Хантингтона.

Солдат «холодной войны» с многолетним стажем (A lifelong Cold Warrior) Хантингтон оценил военных как «двигатель развития» даже в репрессивных диктатурах Третьего мира, пользующихся поддержкой США. После распада

Советского Союза «Бешеный Пес» (как называли его ученики) предупредил о «столкновении цивилизаций», тем самым закладывая основу для американской глобальной военной интервенции, направленной на исламский мир.

Когда диктатуры пали одна за другой в Восточной Азии и Восточной Европе, Хантингтон быстро отказался от своего пессимизма и обнародовал идею «третьей волны» демократизации – как инструмент для возвеличивания роли США в этой «демократической волне».

Он представляет демократию как банальный механизм подсчета голосов, так как наличие избирательной демократии он обуславливает двумя критериями: пятьдесят процентов взрослых *мужчин* должны иметь право голоса, а «ответственного исполнителя» должен поддержать избранный законодательный орган или его избирают в ходе прямых выборов [10]. Современные мыслители могли бы задаться вопросом, почему лишь пятидесяти процентов мужчин достаточно для Хантингтона, почему он исключил женщин.

В противовес минималистскому определению демократии, предложенному Хантингтоном, совсем иное понимание демократии было неоднократно сформулировано народными движениями еще с 1960-х годов: простые граждане должны иметь реальную власть путем непосредственного участия в принятии решений. Общественное вмешательство может способствовать обузданию войн и отказу от оружия массового уничтожения. Ресурсы могут распределяться демократическим путем, а не контролироваться горсткой миллиардеров. Самоуправляемые организации могут определять цели общества и способы действия, основанные на человеческих потребностях человека, а не на жадности корпораций. Демократизация может «измеряться на основе децентрализации власти и богатства и создании независимой “публичной сферы”, в рамках которой самими гражданами может осуществляться рациональное обсуждение и принятие решений» [11].

Существующие формы представительной демократии идеально подходят для корпоративной рыночной экономики. Кандидаты могут конкурировать, как образцы продукции, с помощью рекламы, и голосуя за личности, а не по поводу тех или иных принципиальных проблем, избиратель подобен покупателю в супермаркете. Парламентская демократия – подходящее средство для легитимации господства экономических элит, для расширения корпоративного и потребительского рынка, для координации глобальной капиталистической экономики и для обеспечения банков безопасной и надежной финансовой инфраструктурой, но это не альфа и омега демократии. Чем большее распространение будет получать понятие «демократизации» по-Хантингтону, тем более реальным становится риск потерять свободу.

Восстания, с одной стороны, – это самая лучшая пора, с другой стороны – нет времени хуже. Происходят огромные изменения, но возможны и большой неудачи. Одни люди находят новых друзей на всю жизнь, другие в ужасе наблюдают, как их близких убивают и кровь течет по улицам. Стоят ли жертвы полученных преимуществ?

Для Хантингтона, как и для большинства политологов, последствия восстаний в основном понимаются в терминах изменения правящих элит. Это – один из возможных аналитических подходов, но стоит иметь в виду и гораздо более значительные результаты. Один из них заключается в том, чтобы оценить широкий

спектр показателей человеческого благополучия и счастья, новых прав, завоеванных подчиненными группами, а также масштабов распространения гражданских свобод. В какой мере обременительной нагрузки и диктатуры были сведены на нет? Второй оценочный показатель был сформулирован более двухсот лет назад Иммануилом Кантом, который пытался определить, в какой степени разум становится важным фактором морали и культуры. Если перенести его подход на измерение свободы в жизни людей, можно спросить: способны ли люди стать совещательными субъектами (*deliberative subjects*) своих общественных и политических дел? В какой степени свободы, завоеванные рядовыми гражданами, воплотились в свободные публичные обсуждения, увеличили влияние рядовых граждан на выработку политического курса, изменили характер власти и активизировали общественные организации? Какие виды ресурсов были выработаны для будущих движений за свободу?

Приверженные принципу централизованного политического управления (*bound as they are to maintaining the political control center*), Хантингтон и основное течение политической науки не признают таких результатов. Как часто говорят, победители пишут историю большими буквами. Тем не менее более точное понимание, не связанное с преобладающей идеологией, возможно. Каждый революционный переворот готовит почву для будущих восстаний. Предыдущие волны социальных движений – в 1848, 1905 и 1968 гг. – оказались неудачными в том смысле, что они не сумели захватить власть, однако они глубоко изменили общественные ценности и открыли новые политические эпохи [12]. После 1848 года рабочие отвоевали больше прав в сфере занятости, были также расширены избирательные права граждан; после 1905 года борьба за национальное освобождение получает все большую легитимность; с 1968 года центральными проблемами стали права женщин, справедливость для подчиненных групп и сохранение окружающей среды. Подобным образом последовавшие позднее азиатские восстания, особенно в Кванджу (Южная Корея) в 1980 г., расширили свободу без захвата власти – и обусловили новую волну мирового процесса демократизации.

Одно за другим, будь то в Азии или Европе, восстания в конце XX века показывают, что коллективная мудрость простых людей весит намного больше, чем интеллект существующих элит, как демократически избранных, так и самозванных. Не пользуясь услугами высокооплачиваемых инструкторов, активисты повстанческих движений осваивают новые технологии и находят им применение быстрее, чем корпоративные элиты. Толпы простых граждан, которые вышли на улицы и столкнулись с насилием и арестами, подвергая опасности свою жизнь и будущее своих семей, были воодушевлены видениями Свободы. Эмпирический анализ действий сотен тысяч простых людей – даже миллионов, если сложить общее количество участников – показывает, что простые люди жаждут мира, расширения демократических прав, равенства и простых форм прогресса, в то время как элиты больше озабочены сокращением налогов на богатых, расширением национального суверенитета и защитой корпоративных прибылей. В преобразованной реальности, созданной Народной Властью, у мобилизованных масс имеются вновь обретенные возможности для осуществления перемен. Вдохновленные прежними массовыми восстаниями, нацеленными на свержение элиты с вершины власти, современные народные движения продолжают расширять сферу человеческой свободы.

Вопреки очевидным неудачам, энергии социальных движений резонируют с массами через национальные границы, придавая друг другу большую скорость и большую силу, чем когда-либо в истории. Группы формируются и распадаются, толпы собираются и рассыпаются, но они сохраняют навыки коллективной способности к размышлению и действию, которая основывается на их предыдущих воплощениях. Поскольку люди преобразуются в ходе восстаний, они отказываются мириться с ранее принятыми формами господства. Народная мудрость растет с зарождением каждого очередного движения, все новые и новые стремления побуждают к действию. В бесконечной борьбе за свободу, мы постоянно преодолеваем часть пути к нашей цели, но никогда не приходим к концу истории.

Примечания

1. **Gorbachev and Zdeněk Mlynář.** Conversations With Gorbachev: On Perestroika, the Prague Spring, and the Crossroads of Socialism. New York: Columbia University Press, 2002. P. 47. Цит. по: **Arias-King F.** Orange People: A Brief History of Transnational Liberation Networks in East Central Europe // *Demokratizatsia*. Vol. 15. No. 1, January 2007. P. 38.

2. **Almond M.** Uprising! Political Upheavals that have Shaped the World. New York: Barnes and Noble Books, 2002. P. 98.

3. **Miniotaitė G.** Nonviolent Resistance in Lithuania: A Story of Peaceful Liberation. Boston: The Albert Einstein Institution, 2002. P. 26.

4. В течение многих лет слух принимали за истину, но недавно выяснилось, что этот слух распространялся преднамеренно, чтобы помочь формированию оппозиции. См.: **Bilefsky D.** Velvet Revolution's Roots Still Obscure 20 Years Later // *The New York Times*. November 17, 2009.

5. **Ackerman P. and Duvall J.** A Force More Powerful: A Century of Non-Violent Conflict. Palgrave: New York, 2000. P. 439.

6. **Ackerman P. and Duvall J.** Op. cit. P. 436.

7. **Miniotaitė G.** Op. cit. P. 49; Johansen, p. 29;

http://www.forusa.org/nonviolence/0900_73deats.html;

http://en.wikipedia.org/wiki/Singing_Revolution

8. **Eglītis O.** Nonviolent Action in the Liberation of Latvia. Boston: The Albert Einstein Institution, 1993. Pp. 32–33.

9. **Cleveland H.** The Age of People Power // *The Futurist*. January–February 1992. P. 15.

10. Huntington, *Third Wave*, p. 16.

11. **Hering P. in Srestha Ananda P.** (ed.) The Role of Civil Society and Democratization in Nepal. Kathmandu: Nepal Foundation for Advanced Studies, 1998. P. i.

12. См. мою книгу: **Katsiaficas G.** The Imagination of the New Left: A Global Analysis of 1968. Boston: South End Press, 1987. P. 13–18. Эта статья представляет собой отрывок из моей будущей книги «Asia's Unknown Uprisings, Vol. 2: People Power in the Philippines, Burma, Tibet, China, Taiwan, Bangladesh, Nepal, Thailand and Indonesia, 1947–2009» (Oakland, CA: PM Press, 2012).